

Рахманинова Мария Дмитриевна

**ГЕНЕЗИС ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ВЛАСТИ И ДИСКРИМИНАЦИЙ:
МЕЖДУ ГЕНДЕРОМ И КЛАССОМ**

В настоящей статье будет рассмотрен один из важнейших подходов в современной социально-философской теории - интерсекциональный. Данный подход представляет собой новейшее направление феминистского дискурса, сформировавшееся на стыке гендерной, расовой, национальной и классовой проблематик. Интерсекциональный подход изучается на примере доминирующих в современном западном обществе дискриминаций: гендерных, национальных и экономических.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**FEDOR STEPUN ABOUT CRISIS OF THE EUROPEAN ARTISTIC CULTURE
IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY**

Pushkareva Tat'yana Ivanovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University (Branch) in Kaluga
pushkatan@rambler.ru

The purpose of the article is to show the importance and originality of the aesthetic views of the Russian thinker Fyodor Stepun, and to reveal the essence of his reflections on the crisis phenomena of culture in the XX century. The author seeks to understand the uniqueness of neo-Kantian attitudes of the philosopher, their methodological justification, and cognitive value. Particular attention is paid to the problem of the spiritual affinity and mutual influence of Stepun's philosophy and the ideological conceptions of V. Weidle and H. Sedlmayr. The article emphasizes the relevance of the philosophical findings of Stepun, their importance for the understanding of contemporary cultural processes.

Key words and phrases: neo-Kantianism; the German romanticism; Slavophilism; futurism; crisis of culture; moving away from the middle; the Russian culture; crisis of individualism; spiritual values.

УДК 17.022.2

Философские науки

В настоящей статье будет рассмотрен один из важнейших подходов в современной социально-философской теории – интерсекциональный. Данный подход представляет собой новейшее направление феминистского дискурса, сформировавшееся на стыке гендерной, расовой, национальной и классовой проблематики. Интерсекциональный подход изучается на примере доминирующих в современном западном обществе дискриминаций: гендерных, национальных и экономических.

Ключевые слова и фразы: дискриминация; власть; структура; интерсекциональность; угнетение; класс.

Рахманинова Мария Дмитриевна, к. филос. н.
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
Nordseeinsel@yandex.ru

**ГЕНЕЗИС ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ
ВЛАСТИ И ДИСКРИМИНАЦИЙ: МЕЖДУ ГЕНДЕРОМ И КЛАССОМ[©]**

Интерсекциональный подход – один из наиболее ярких и интересных современных подходов к проблемам власти, насилия и дискриминации.

Первые обращения к нему относятся к 1851 году, когда бывшая рабыня Сужурнер Трут произнесла перед жителями штата Огайо речь против рабства и дискриминации женщин. Благодаря этой единственной речи она вошла в историю борьбы за женскую эмансипацию.

В этой речи она затронула противоречие, заключающееся в том, что патриархатная риторика предписывает опекать женщин и относиться к ним как декоративным существам, в то время как к ней никогда никто так не относился, хотя она и женщина и, более того, родила тринадцать детей. Напротив, всю жизнь она трудилась наравне с мужчинами, и никто не собирался делать для неё исключения, несмотря на господствующие в обществе представления о «природной» невозможности и недопустимости подобного положения вещей. Разоблачая такие двойные стандарты, она высказывала сомнение в логической обоснованности патриархатного подхода как к женщине, так и к трудящемуся человеку в целом. Примечательны также её слова о религиозных обоснованиях женской дискриминации, строящихся на том, что Христос был мужчиной. На это чернокожая бывшая рабыня по-сократовски отвечает, что Христос родился на свет от женщины и Бога, и ни один мужчина не имел к нему отношения, а потому все эти доказательства суть чистой воды софистика.

Эта незамысловатая и, на первый взгляд, простая речь поставила сразу несколько острых проблем, над анализом и разрешением которых впоследствии трудились видные теоретики социальной и политической мысли. Так, в 1970-1980-х гг. в среде чернокожих социалисток-феминисток интерсекциональный подход оформился в официальную теорию, противопоставившую себя господствующим на тот момент феминистским теориям, во главу угла ставящим понятия «универсальной женщины» и «сестринства». Более того, проблематизация и критика этих понятий впервые стали возможными именно с феминистских позиций только в рамках интерсекционального подхода. Само название «интерсекциональность» было введено профессором социологии Кимберли Креншоу в 1989 году, полагавшей, что «...опыт чернокожих женщин не сводился к простой сумме их расы и пола, а любые наблюдения, не берущие в расчёт интерсекциональность, не могут правильно описать способ дискриминации чернокожих женщин» [4, p. 76].

Более широко термин распространился в 1990-х гг. благодаря социологу Патриции Хилл Коллинз, работавшей над анализом дискурса чёрного феминизма. Главный её тезис состоял в том, что существующие в обществе угнетения не просто тесно связаны друг с другом и способны подчас друг друга обуславливать, но и повсеместно пересекаются [5, p. 45].

Первым исследованием, посвящённым интерсекциональному подходу, стал большой текст Кимберли Креншоу «Обозначая границы: интерсекциональность, политика идентичности и насилие в отношении женщин небелого цвета кожи», где она рассматривает проблемы небелых женщин, подвергающихся домашнему насилию и изнасилованиям, и пытается понять, в какой мере и при каких условиях им доступна помощь, к которой могут прибегнуть белые женщины. «В контексте насилия над женщинами игнорирование различий является фундаментальной проблемой, потому что насилие, которое переживают многие женщины, часто определяется другими измерениями их идентичностей, такими, как раса или класс, – пишет Креншоу, – работа феминисток по политизации женского опыта и работа антирасистов по политизации опыта небелых людей часто проходит так, словно проблемы и опыт, который они описывают, происходят во взаимоисключающих областях. Хотя расизм и сексизм регулярно пересекаются в реальной жизни, в феминистской и антирасистской практике они как будто существуют отдельно» [6].

В качестве примера Креншоу приводит проблемы, с которыми она столкнулась в ходе исследования: например, как антирасисты, так и феминистки зачастую склонны замалчивать реальный процент изнасилований и домашнего насилия среди небелых людей. Первые это делают, боясь способствовать их ещё большей дискредитации, вторые – опасаясь, что проблемы, связанные с сексизмом, будут расценены как обусловленные исключительно расовыми и национальными факторами и списаны на культуру и обычаи. В итоге жертвы этих преступлений – небелые женщины – оказываются абсолютно незащищёнными.

Примечателен также ряд теоретических предпосылок становления интерсекционального подхода. Его формирование обусловлено, в основном, рефлексией по поводу идеологии «Второй волны». В период пика этой идеологии господствующими концепциями были радикальный и марксистский феминизм.

Радикальный феминизм выступает с критикой социалистической теории и практики, характеризуя их оптику как редуccionистскую, а потому не гарантирующую реального освобождения от дискриминации женщин, поскольку на первый план выдвинуто классовое угнетение человека. При этом все левоориентированные организации воспринимаются представительницами радикального феминизма как изначально обречённые на поддержание инерции маскулинности, а также явного и неявного сексизма. В этом смысле основная цель радикального феминизма – уйти от левого дискурса как монополизированного мужчинами и потому – неспособного обеспечить реальной эмансипации женщине во всём множестве областей, где это необходимо.

Напротив, марксистский феминизм обнаруживает причины угнетения женщин в экономическом устройстве общества, а значит, единственный путь преодоления неравноправия, дискриминации и эксплуатации состоит в преодолении существующей экономической системы, то есть капитализма. С точки зрения марксистского феминизма, только эгалитарные экономические отношения могут вызвать к жизни и гендерный эгалитаризм.

Противоречия между этими двумя позициями вызвали к жизни так называемую «теорию двух систем». Эта теория предполагала, что необходимо выработать такой взгляд, в котором патриархатная и экономическая системы угнетения имели бы равный вес и получали бы равные проблематизацию и осмысление. Однако даже и в подходе этой теории был допущен ряд упущений, обнаруженных чёрными феминистками. Так, они заметили, что эта теория никак не выходит на структурный анализ расы, не говоря уж об угнетении по признаку нетрудоспособности (эйблизм), возраста (эйджизм) и сексуальности (сексизм и гомофобия), а значит, само по себе понятие капиталистического патриархата не может претендовать на то, чтобы считаться исчерпывающим для описания дискриминации.

Перейдём к рассмотрению центральных проблем интерсекционалистского дискурса. «Теория интерсекциональности исходит из того, что различные биологические, социальные и культурные категории, такие как гендер, раса, класс, состояние здоровья, сексуальная ориентация, каста и другие идентичности, взаимодействуют друг с другом на множестве уровней, и исследует эти взаимодействия. Сторонники теории интерсекциональности утверждают, что классические репрезентации угнетения в обществе, такие как расизм, сексизм, гомофобия, трансфобия, не действуют независимо друг от друга. Они взаимодействуют друг с другом, формируя систему угнетения, в которой действует множество видов дискриминации» [8]. Таким образом, в центре внимания интерсекционального подхода находятся структурные проявления дискриминации.

Так, к примеру, среди небелых женщин гораздо выше процент безработных, необразованных и бедных, лишённых всякой социальной защиты и материальной поддержки, чем среди белых. Вероятность столкнуться с дискриминацией при приёме на работу для них намного выше – поскольку они не просто женщины, но ещё и небелые. Зачастую они находятся в полной зависимости от мужа – по причинам самого разного характера: от религиозного, когда женщина в силу обычая воспринимается как собственность мужчины, до социально-политического, когда женщине-мигрантке для получения гражданства другого государства требуется прожить с мужем определённое количество лет. В этот период он часто является её единственным источником информации о внешнем мире – опять-таки в силу патриархального уклада. Как правило, эта зависимость осложняется также незнанием языка и порядков нового государства, что делает практически невозможным обращение мигранток за помощью в случаях изнасилования и домашнего насилия, а также поиск информации о собственных правах.

Кроме того, небелые женщины, относясь сразу к двум дискриминируемым группам, принципиально иначе переживают каждый из этих видов дискриминации. Так, антирасизм изучает дискриминацию преимущественно

небелых мужчин, а феминизм – дискриминацию преимущественно белых женщин. Тем временем, дискриминация небелых женщин происходит в пространстве, не охватываемом ни одной из этих двух антидискриминационных теорий: с расизмом небелая женщина сталкивается иначе, чем небелый мужчина, а с сексизмом – иначе, чем белая женщина, поскольку в её социально-политической идентичности имеет место упомянутое пересечение дискриминаций. Это зачастую делает для мигранток невозможным обращение в убежища для жертв насилия или в кризисные центры для женщин: незнание языка или наличие с собой ребёнка мужского пола может стать причиной отказа женщине в помощи, поскольку институты помощи белым женщинам просто не приспособлены для женщин-мигранток.

Таким образом, суть интерсекционального подхода состоит в обнаружении способов, которыми пересекаются в обществе расовые, классовые и гендерные проблематики, и того, как они, приходя во взаимодействие, формируют систематическое и многоуровневое неравенство.

Примечательно, что интерсекциональность представляет собой именно подход, а не теорию, и потому может быть применена разными способами в разных теориях.

Так, в либерализме интерсекциональность дополняет концепции сексизма, расизма, эйблизма и эйджизма – концепцией классицизма, предполагающей, что акцент на классе уже есть дискриминационная практика, подобная прочим. Критика классицизма направлена на дискриминацию людей по классовому признаку, а не на сами классы как таковые и не на построенное на пропасти между ними государство. На этом примере хорошо видно, что интерсекциональность в либерализме указывает только на локальные явления и частный опыт дискриминации, а не на дискриминирующие социальные институты как части глобального механизма.

Напротив, левый вектор интерсекциональности фокусируется именно на институциональной и политической природе дискриминации. Предметом левого вектора интерсекциональности является вопрос о том, как соотносятся личный опыт и глобальные системы дискриминации, а также вопрос о возможности выхода из дискриминационных практик и о том, каковы условия этой возможности.

Что же может дать интерсекциональный подход социалистической теории? Чем он для неё интересен? Согласно этому подходу, неправомерно говорить о некой «главной» форме угнетения, поскольку все эти формы пересекаются, усиливая друг друга.

Так, например, разговор о дискриминации «универсального рабочего» не выглядит, с точки зрения интерсекционального подхода, правомерным, поскольку если этот рабочий, к примеру, женщина, то она может подвергаться дискриминации и как женщина, и как рабочий, а значит, одно это понятие неспособно описать её ситуацию угнетения. То же касается и феминистской категории «универсальной женщины»: опыт женского многообразия и может переживаться очень по-разному – в зависимости от сексуальности, расы, национальности, гражданского статуса и многих других факторов. Это обстоятельство показывает, что под «универсальной женщиной» обычно понимается исключительно белая трудоспособная гетеросексуальная женщина среднего класса. Именно за это в 1960-х и 1970-х гг. небелые женщины и женщины с ограниченными возможностями критиковали доминирующий феминистский дискурс. Например, пока привилегированные женщины рассматривали категорию репродуктивных прав исключительно как право на аборт, многие женщины-инвалиды подверглись принудительной стерилизации, а многие женщины из бедных слоёв общества, а также цветные женщины были лишены необходимой помощи при беременности и родах. В этой связи концепция репродуктивной свободы была переосмыслена: с точки зрения интерсекционального подхода, она должна означать всё множество вариаций репродуктивных прав, а не только репродуктивное право, необходимое белой гетеросексуальной женщине среднего класса.

Аналогичным образом, чернокожая рабочая угнетается и как представительница рабочего класса, и как женщина, и как чернокожая. Если при этом она обладает нетрадиционной сексуальной ориентацией, она также будет угнетаться и по этому признаку, и ни одна из концептуализаций дискриминации не будет в состоянии разом описать ситуацию угнетения, в которой находится эта женщина.

Именно по причине существования подобных проблем интерсекциональный подход вводит свою важнейшую категорию – категорию кириархии, обозначающую совокупность взаимосвязанных систем угнетения – таких как капитализм, патриархат, гетеронормативность, циснормативность, превосходство белых, теократия, этатизм и так далее. В сущности, кириархия предполагает, что все области, где проявляется дискриминация со стороны этих институций, суть фронты одной и той же «войны», на которых ведётся борьба с разными, но одинаково значимыми формами угнетения. В этом смысле, речь следует вести уже не о патриархате, капитализме, гетеросексизме и так далее, но о кириархате – как совокупности всех этих оптик.

Ещё одной важнейшей категорией интерсекционального подхода является категория привилегии, необходимая для описания угнетения, происходящего за пределами экономических классов. Привилегия здесь понимается как возможность считать малоинтересным и незначительным что-то, что не касается лично субъекта оценки.

Так, например, состоятельные люди зевают от скуки, слушая о людях, которым не хватает питьевой воды и пищи, а мужчину раздражают подробности ухода за ребёнком или женского эмоционального состояния; преуспевающего менеджера не волнуют проблемы мигранток иначе как визуально и косметически, а гетеросексуальные люди часто не могут понять, в чём проблема гомосексуалов.

Первая характерная черта привилегий – их всеместность. Никто в обществе не существует только как женщина или мужчина, рабочий или менеджер, белый или небелый. Индивид в обществе – пространство пересечений инстанций пола, сексуальности, класса, трудоспособности, возраста, расы и так далее, а значит, он одновременно существует в целом ряде символических пространств. При этом основная сложность состоит в том, что все эти

системы идентичности индивида функционируют особым образом. Интерсекциональный подход ставит своей задачей выявление способов их функционирования и поиск выхода из многообразных ситуаций дискриминации.

Ещё одна важная особенность привилегий – их скрытость. Привилегированная группа вполне может и не поддерживать сознательно то или иное угнетение, более того, она может и вовсе не знать о наличии такового. Так, когда Мадлен Олбрайт прибыла с визитом в Таиланд в 1999 году, она радикально осудила рост детской и юношеской проституции, списав эти явления на растущую аморальность молодёжи, но забыв при этом, что сама горячо ратовала за введение так называемой «политики строгой экономии», выгодной странам первого мира и ввергшей большую часть населения страны в нищету и безработицу, ставшие в итоге истинной причиной предмета негодования госсекретаря США. Подобное «незнание» свидетельствует о наличии отчётливых классовых и политических привилегий, препятствующих элементарному получению представления о последствиях собственной деятельности для других людей. И в этом смысле она, конечно, не выступила за рост проституции, но в действительности явилась одной из её причин, даже не подозревая об этом [2].

Однако часто привилегированная группа имеет вполне ощутимые и легко прослеживаемые материальные выгоды от существования дискриминации. Так, например, мужчинам выгодно дискриминация женщин, поскольку она обеспечивает им беспрепятственное эмоциональное, бытовое и сексуальное обслуживание – позиционируемое при этом обществом как само собой разумеющаяся норма.

Таким образом, привилегированной группе свойственно представлять себя как норму и восприниматься как таковая всеми остальными группами – в том числе угнетёнными. Дискриминируемые группы при этом, напротив, расцениваются как «другие», даже если составляют большинство (например, бедняки из бразильских фавел, составляющие большую часть населения). Симптомом наличия привилегии является отрицание специфического опыта дискриминации какой-либо группы, заявляющей или не заявляющей себя как дискриминируемая.

Примечательно, что даже привилегированная группа также может подвергаться тем или иным формам дискриминации – поскольку, как правило, привилегированной она является лишь в одном или нескольких аспектах своей идентичности. Так, например, мужчины, являясь привилегированной группой в отношении женщин, могут быть угнетаемой группой рядом с другими мужчинами, если они находятся в разных классовых или статусных ситуациях или если они относятся к национальному или сексуальному меньшинству. То же касается женщин. Являясь дискриминируемой группой, они, тем не менее, могут обладать, к примеру, классовыми или гражданскими привилегиями. Так, белая гетеросексуальная женщина, обладающая пропиской, более привилегированна, чем мигрантка, хотя в отношении мужчин обе они относятся к угнетаемым группам. Также белая гетеросексуальная женщина среднего класса обладает привилегиями в сравнении с мигрантом-мужчиной, с точки зрения гражданского и экономического статуса, но мигрант более привилегирован в сравнении с ней как мужчина в своей среде, в отличие от неё, воспринимаемый как полноправный субъект действия и высказывания.

Таким образом, несмотря на то, что привилегии, как мы видим, носят повсеместный и системный характер, они одновременно с этим, как правило, спрятаны и невербальны. Опасность этой латентности в том, что через незнание о своих привилегиях люди разобщаются, а общество – атомизируется, и в нём повсеместно ведётся скрытая война всех против всех, что делает невозможной солидарность, представляющую собой важнейшее условие для социального и гуманистического прогресса.

При этом признание привилегий их обладателем по понятным причинам является крайне проблематичным. Утрата зоны комфорта едва ли может быть чьей-то бессознательной целью. А потому единственный выход в этой ситуации – осознание привилегий и дальнейшая борьба с тем, к чему они побуждают.

В этом моменте и возникает обычно самая сложно преодолимая проблема: от части привилегий невозможно избавиться. И поэтому многие мужчины, узнающие о своих привилегиях, чувствуют, что их несправедливо обвинили в каком-нибудь страшном преступлении, за которое им предстоит раскаиваться. В самом деле, с гендерными привилегиями ничего нельзя сделать: в отличие от привилегий классовых, от них нельзя отказаться и избавиться. Даже мужчина, в полной мере осознающий свои привилегии и желающий преодолеть их, не может этого сделать, ведь в глазах общества он всё равно ими наделён, потому что привилегии – это и есть тип взаимодействия общества с субъектом, и с ним всё равно будут обращаться как с существом более высокого порядка, нежели женщина. Поэтому единственное, что можно сделать с привилегиями, – осознать их и отказаться воспроизводить связанные с ними сценарии дискриминации. Признание привилегий означает признание существования различий в социальном и политическом опыте и переосмысление критериев нормативности, конформистски воспринимаемых из того, что звучит в мейнстримной риторике медиа- и идеологического дискурсов, вместо отрицания всего, что не вписывается в рамки этой конформистской нормативности, воспринимаемой по умолчанию большинством членов общества как единственно возможной. В таком осознании едва ли есть что-то постыдное. Субъект не несёт ответственности за то, как его возвышает система, но он несёт ответственность за то, как он реагирует на это возвышение. А значит, признание привилегий – это всего лишь признание того, что ответственность за дискриминацию лежит отнюдь не на дискриминируемой группе, а, наоборот, на группе людей, могущих себе позволить не задумываться о проблемах этой группы и продолжать её дискриминировать в тех или иных формах. Смысл подобной рефлексии, с точки зрения интерсекционального подхода, состоит в том, чтобы осознать, что чем больше преград, установленных привилегиями и вытекающими из них формами дискриминаций, будет преодолено между членами общества, тем меньше в нём будет насилия и страдания. И это касается, как мы показали выше, абсолютно всех людей, ведь и многие привилегированные группы также отчасти дискриминируются, а значит, все существующие угнетения в обществе так или иначе пересекаются и уже за счёт этого – значимы друг для друга.

В свете всего вышесказанного особенно интересна интерпретация интерсекциональным подходом понятия «класс». В этой интерпретации можно говорить о двух видах класса – экономическом и общественном. Так, экономический класс есть феномен капитализма, главными свойствами которого являются универсальность и надличностность. Иными словами, экономический класс объективен.

Общественный класс, напротив, описывает всё переплетение идентичностей субъекта в многообразии его субъективного опыта социальных практик.

Именно это разделение позволяет увидеть причину подмены тезиса, часто производимой теми, кто заинтересован в сохранении классовых привилегий. К примеру, олигарх, экономически относящийся к высшему экономическому классу, зачастую склонен одеваться как «простой парень» и приписывать себе общественную идентичность выходца из низов общества, самостоятельно заработавшего всё своё богатство. Этот образ создаётся для того чтобы в глазах общества хоть как-то оправдаться за ту эксплуатацию, которая является неотъемлемой частью любого бизнеса. Такое смешение экономического и общественного классов очень хорошо маскирует реальные привилегии этого человека. А значит, хотя бы частично защищает его от возмущения и протестов тех людей, которые являются его потенциальными или действительными объектами угнетения и дискриминации – ведь он хотя бы отчасти кажется им «своим» (между тем, давно уже не являясь таковым).

Вероятно, в данном случае было бы уместнее говорить не об «общественном классе», а, скажем, о группе. Однако на примере олигарха мы всё же видим основания для употребления именно понятия «класс»: социально он может являться выходцем из низов общества (и это, несомненно, классовая характеристика), но фактически – он богатейший из граждан, и одно это делает лицемерной и ложной его самоидентификацию не с экономическим, а именно с социальным классом. Таким образом, интерсекциональная проблематизация категории класса проливает свет на аспекты привилегий, скрытые в классическом классовом анализе, и подчёркивает разницу между чисто экономической и социальной репрезентациями власти.

Обозначим теперь основные подходы к структурному анализу дискриминаций. Первый – классический подход «базис-надстройка». Его сила состоит в том, что он как никакой другой показывает влияние экономических процессов на процессы общественные и на жизнь индивида. Именно поэтому он лежит в основе материалистического понимания истории, делающего возможным гуманистическое отношение к человеку. Однако слабость этого подхода состоит в том, что он близорук в отношении внеклассовых форм угнетения, всецело редуцируя их к классовым. С точки зрения этого подхода, нет смысла бороться с дискриминациями, кроме классовых, потому как первые исчерпывающе интегрированы в последние. Таким образом, все формы внеклассового угнетения провозглашаются второстепенными и не заслуживающими внимания. Расизм и сексизм проблематизируются в этом подходе не как самостоятельные и крайне важные проблемы, а как препятствия для солидарности рабочего класса. С точки зрения интерсекционального подхода, это только «полправды».

Вторую модель, используемую для работы с дискриминациями, можно назвать моделью строгого плюрализма. С точки зрения этой модели, все виды социальных дискриминаций равны между собой, но никак не связаны: угнетение женщин воспринимается как значимое, но никак не пересекающееся с национализмом, антисемитизмом и эйджизмом, а рабочее движение вполне может игнорировать, скажем, сексизм, фокусируясь только на своём аспекте угнетения. То же касается гомофобии, эйблизма и всех прочих видов дискриминации. Этот подход охватывает широкое поле форм угнетения, но он не показывает фундаментальной взаимосвязи между ними (а также их связи с окружающей социально-экономической системой во всех её особенностях) и, тем самым, затрудняет социальный анализ, позволяющий увидеть всю картину целиком, а значит, понять, как реально работает каждая из этих форм, и преодолеть угнетение.

И, наконец, третий подход – интерсекциональный. Он предполагает, что все формы угнетения не только значимы, но также взаимообусловлены и взаимозависимы. Однако при этом классовому вопросу – как наиболее проблематичному – отводится в интерсекциональной оптике особая роль. Иными словами, схема интерсекционального подхода выглядит так: в центре находится проблема класса, а вокруг неё располагается многообразная сеть равнозначных и пересекающихся угнетений.

Такое расположение элементов связано с тем, что реальным источником всех дискриминаций являются финансовая элита и правящий класс. В самом деле, все дискриминационные законы и настроения принимаются и транслируются именно ими – будь то законы, нарушающие права женщин, национальных и сексуальных меньшинств, рабочих и других групп. Именно этот класс устанавливает репрессивные стандарты нормативности, в повседневных социальных практиках оборачивающиеся угнетением и трагедиями (травматизм на производстве, вызванный чрезмерно долгими сменами, пренебрежением безопасностью; запрет на аборты, влекущий за собой рост числа криминальных абортов; самоубийства или убийства представителей сексуальных меньшинств; самосуд над представителями меньшинств национальных и т.д.). Ярким тому примером могут служить события, последовавшие после принятия подобных законов в России в период в 2012 по 2014 годы: колоссальный рост расправ над всеми, чья «нормальность» оказалась под вопросом, не заставил себя ждать.

Заключение

Таким образом, возникшая как реакция на полемику между радикальным и марксистским феминизмом и вызревая из «теории двух систем», интерсекциональный подход приобретает популярность в 70-90-е годы, предлагая понимать феномен угнетения как совокупность пересекающихся дискриминаций – взаимно обусловленных и взаимодополняющих угнетение человека в обществе.

Человек при этом понимается как поле пересечения этих дискриминаций, поскольку одновременно обладает целым рядом идентичностей – таких как класс, раса, возраст, трудоспособность, пол, сексуальность, гражданский статус и т.д. Все эти идентичности могут стать поводом для угнетения в случае, если они не полностью совпадают с императивной нормативностью существующего социально-политического дискурса. А значит, абсолютно любой человек может подвергаться дискриминации по одному и более признакам, из чего следует бессмысленность поиска наиболее значимого вида социального угнетения. С другой стороны, большинство людей, располагающих тем или иным количеством привилегий, также могут осуществлять дискриминационные практики, исходя из соответствующих привилегированных позиций.

Также характерно, что в социалистической оптике интерсекциональный подход не оперирует понятием «классизм», обозначающим в либеральной оптике дискриминацию по признаку класса, но рассматривает в качестве желательной ликвидацию классового общества как такового, поскольку оно с неизбежностью порождает угнетение и не может не быть дискриминирующим.

Центральные категории интерсекционального подхода: кириархат (патриархальная капиталистическая система, включающая в себя также расизм, сексизм, гомофобию и прочие дискриминирующие оптики), привилегия (возможность считать несущественными проблемы, не касающиеся субъекта лично и напрямую, а также игнорировать опыт дискриминации различных групп), а также класс (понимаемый как экономически, так и социально). Именно поэтому интерсекциональный анализ наиболее часто фокусируется на наиболее дискриминируемых группах общества – таких, например, как женщины-мигрантки, небелые инвалиды или представители сексуальных меньшинств, принадлежащие к рабочему классу, что позволяет более полно изучить взаимосвязь существующих в обществе дискриминаций и способы их функционирования.

Структура интерсекционального подхода в центр внимания ставит категорию классового угнетения (ввиду того, что именно правящим классом устанавливаются и регламентируются все прочие виды дискриминации). Вокруг классового угнетения сплетена сеть множества других, равнозначных дискриминаций.

Интерсекциональный подход – один из наиболее интересных и ярких в современной социальной теории. Предлагаемый им способ проблематизации субъекта и межсубъектных отношений в обществе является принципиально новым и даёт все основания предполагать в нём значительный конструктивный антидискриминационный потенциал. В сущности, этот подход представляет собой переосмысление и «работу над ошибками» предшествующих форм анализа манифестации власти в обществе и десубъективации индивида.

Список литературы

1. **Виноградова Н. Л., Леонтьева Е. Ю.** Гендерные репрезентации: путь этнокультурной унификации или поиск уникальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. Ч. 2. С. 39-42.
2. **Кляйн Н.** Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2011.
3. **A Class Struggle Anarchist Analysis of Privilege Theory – from the Women’s Caucus** [Электронный ресурс]. URL: <http://afed.org.uk/blog/state/327-a-class-struggle-anarchist-analysis-of-privilege-theory--from-the-womens-caucus-.html> (дата обращения: 29.09.2014).
4. **DeFrancisco V. P., Palczewski C.** Communicating Gender Diversity: A Critical Approach. Los Angeles: Sage Publications, 2007.
5. **Hill Collins P.** Black Feminist Thought. Routledge, 2000.
6. <http://feministki.livejournal.com/2558132.html> (дата обращения: 23.09.2014).
7. **Johnson A.** Privilege, Power, and Difference [Электронный ресурс]. URL: <http://pdfsb.net/privilege+power+and+difference+by+allan+g+johnson> (дата обращения: 29.09.2014).
8. **Knudsen S.** Intersectionality – A Theoretical Inspiration in the Analysis of Minority Cultures and Identities in Textbooks [Электронный ресурс]. URL: https://www.zotero.org/viviana_sarac/items/itemKey/FRN7AT3B (дата обращения: 23.09.2014).

GENESIS OF INTERSECTIONAL APPROACH TO ANALYSIS OF POWER AND DISCRIMINATION: BETWEEN GENDER AND CLASS

Rakhmaninova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy
National Mineral Resources University (University of Mines)
Nordseeinsel@yandex.ru

The article considers one of the most important approaches in modern social and philosophical theory – the intersectional one. This approach is the latest trend of feminist discourse that emerged at the intersection of gender, racial, ethnic and class problematic. Intersectional approach is studied by the example of dominant in the modern western society discriminations: gender, ethnic and economic.

Key words and phrases: discrimination; power; structure; intersectionality; depression; class.